

Б И Б Л И О Т Е К А

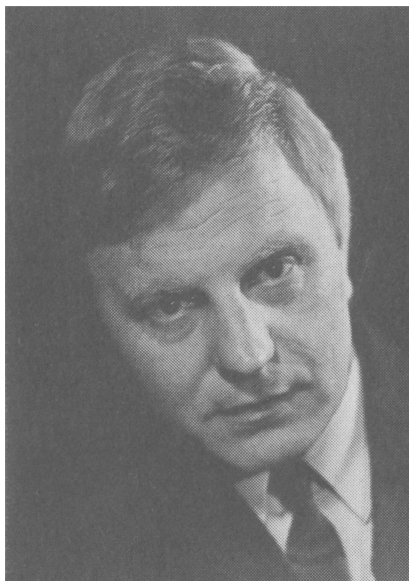
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 44

1990

*Юстинас
МАРЦИНКЯВИЧЮС*

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

ПОСЛЕДНИЕ ЧУДЕСА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 44

Издается с января 1925 года

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС

ПОСЛЕДНИЕ ЧУДЕСА

СТИХИ И ПОЭМА

Переводы с литовского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС

Юстинас Марцинкявичюс родился в 1930 году в деревне Важаткемис, в Литве. В 1954 году окончил историко-филологический факультет Вильнюсского университета. В середине 50-х годов работал в редакциях республиканских журналов. С 1960 по 1965 г. — заместитель председателя правления СП Литвы.

Широкую известность литовскому писателю принесла трилогия поэтических драм на темы литовской истории. «Миндаугас», «Собор», «Мажвидас». Стихи и поэмы Ю. Марцинкявичюса, повесть «Сосна, которая смеялась», эссе «Дневник без дат» переведены на десятки языков мира. В 1978 году ему было присвоено высокое звание народного поэта Литвы.

ЦВЕТЕНИЕ

Лунный свет на сад лучи обрушил,
ветер серебром струил свечение.
Чудилось, что не деревья — души
шли с молитвою, минуя нас.
Милая, кончается цветенье.

Мы стояли вместе: небо ниже
наклонялось, в сад вливая волны.
Я своей душе шептал: проснись же,
в дом цветения войди хоть раз
и раскрой себя, себя наполни!

Но застыла бедною сироткой
возле храма сада, у ограды...
Повторяла что-то очень робко —
в бедном рубище, с тоской во взгляде.

Сад подлунный цвел неудержимо,
плакала душа неумолимо.

* * *

— быть непричастным к миру силы,
его обману и соблазну,
ко всем его секретам темным... —
Но кровь, — я ей принадлежу?
Но выкрик, жалоба, стеланье?
Но добрая рука — возвысить,
притронуться, утешить, — о,
я в ней живу! Я к ней причастен.

— да, мне существовать нетрудно
в слезе младенца. Если надо
простым, послушным, разноцветным
в его игрушках буду я.
Хотел бы я возникнуть в слове,
каким он даст название миру,
в луче, что он произнесет,
я стал бы жить. Я к ним причастен.

— наверное, в твоём страданье
я мог бы жить. Я даже в книге
дышу, когда ее читаешь,
я говорю в твоих губах...
Но выпусти меня из пули,
из кулака, клинка, проклятья,
позволь не омыwać слезами
зловонных глаз неправоты.

* * *

А жизнь — мое оружие,
приют, где тишина,
спор вечный и досужий,
ни мир и ни война.

Все было, в том ли дело...
Но хочется узнать:
природа, что хотела
мною миру доказать?

Поди, она пыталась
мною чувствовать не раз
падений боль, усталость
и как люблю я вас.

КАРА

Да, я любил.
Любил, не отрекаюсь.
Но не настолько,
сколько был любим.

Виновен, что
любовь я не возвысил
и не умножил...
Почему рука
не обняла ни кровь, ни пот, ни слезы,
зачем мой рот
на пиршество вранья взирал угрюмо, молча,
и бегали глаза трусливо
от безумств постыдных?

Мы задыхаемся от умолчаний,
сгибает спины несвершенное.

Но истинный палач наш —
все же тело:
неумолимое,
греховное,
слепое.
Оно одно лишь направление знает,
и ведома ему одна дорога.

И впрямь виновен:
не возвысил
любви...
Виновен,
раз за бранным телом
я, как за личным палачом,
иду.

* * *

Поют и мнутся листья.
В этом круженье густом,
Жизнь, ты видишь различья
меж листом и листом?

А правда, что нету сладу
с тобой, необъятная тишь,
что ты по осеннему саду
прямо в сердце летишь?

Но нет: это в клене ветер,
порыв безоглядный твой, —
нас всех, как огнем, пометил
паденьем — общей судьбой.

ТРАКАЙ

Воды, валуны
в пятнах седины.
Тишина и отклик
далеко слышны.

Сердце ли виной,
смытое волной,—
преклоню колени,
весь в крови земной.

* * *

Гляди: она летит, гляди,
накроет все твои богатства,
как океан, который дна
ни перед кем не обнажает:
жизнь! Как тебе за ней угнаться,
пока не кончилась она?

Волна и берег, там и тут,
сроднились кровью гнев и жалость,
и прояснила правду ложь.
И снова — навсегда — к порогу —
и снова ночь ко дню прижалась,
день в ночь вливается: живешь.

Как мал и незаметен ты!
О счастье бредишь, принимая
к земле и к небу — к рубежу.
Любуюсь алтарем незнания,
пока я лгу себе, пока я
скрываю, перед кем дрожу.

ПРОЗА

—страшно было б, Литва, если б ты скрылась из глаз — как в детстве на базарной площади или как в храмовый праздник в церковном дворе Пренайского костела белая мамина голова в миткалевом платке —

—страшно было бы спутать ее с другими, ошибиться, взять за руку не ее. О как гудит орган, и звон колоколов, и плывущая толпа несут те-

бя— но детская твоя рука, как птица в гнезде,— в вечной, нескончаемой руке любви и заботы. Она ведет, удерживает, если споткнешься, и в людской толчее — о счастье! — берет и поднимает тебя над всеми: кружится, колышется пестрая жизнь, а на базарной площади сидит за прилавком История и бойко торгует идеями, народами, судьбами

—страшно было б, Литва, потерять тебя из виду, было б страшно выпустить твою руку: смотреть — и не видеть, слушать — и не слышать.

* * *

О жизнь моя, сестра моя слепая!
Не знаю, кто из нас кого ведет
и кто кого подымлет, словно факел,
чтобы сиял родитель жизни — время —
над морем, чем-то занятым во тьме.

Ты правишь мной — тогда прошу: держи
в нагретом камешке, цветном и легком;
не разжимая влажную ладонь,
его дитя домой несет от моря,
а скажут: брось — еще сильнее стиснет.

Не знает, что назавтра где-нибудь
оставит эту маленькую радость.
Тогда доверь другому — может, он
ее закинет в море. Минет время,
пока волна меня вернет на берег.

О жизнь моя, сестра моя слепая...

КОНЕЦ ВЕКА: СХЕМА

Сердца и ладони —
липкие от вожделенного меда,
души, как заповедные клады,
обнаруживаются все реже и реже.

Впиваемся в жаркие,
бесстыдно доступные,
сладкие губы жизни
и, не щадя себя,
до стужи, до смерти
— а вдруг: до прозрения? —

обнимаем
ее наиболее обнаженные,
наименее тайные формы.

Душа должна замолчать!
Плодотворна лишь
хищная похотливая плоть,
нет ничего возвышеннее
ее откровенной материальности:
сестра, она все идет и поет,
и несет в своем голосе гибель —
о безудержность падшего яблока!
На пахучем и темном земном лугу
душит ее желание:
ослепление жизнью —
да, это и есть отрицание жизни.
Слушайте:

никогда еще не бывало у нас
столько страха и столько оружия:
не земля — планета драконьих зубов,
безумно распахнутый кратер ума,
смердящее озеро страха.
Время такое, что палачи
прикрываются жертвами,
что каменный век
вовсе не за горами.

Р. С. Вчера, сегодня и завтра:
правы только гонимые.
Гонители и жрецы
не бывают правы.

* * *

Растущие крылья тревоги.
Наступление ночи.
И соцветие знания
вянет, как в небе луна.
А неведение — рана —
усыпано лепестками.
Мучится жизнь и мучит,
земля человеком больна.

Жаркое, быстрое тело,
что ты видишь за песней?
Мысль, чего ты боишься
в трепете божьих дней?
Обняться — и ввысь подняться.
Умолкнуть над шумным миром.
Кому-то помочь в потемках
проснуться... и стать прямой?

ПРОРОК

Странник одной дороги.
Человек одного слова.

Остановив, спрашиваем:
где твои губы,
где твое сердце,
где глаза твои?

Чудак:
он указал на нас.

* * *

Ты должен при касанье ощутить
разноголосых пальцев щебетанье,
и кротких, разноцветных рук цветенье,
смятенье, колыханье, возмужанье
того, кто даже имени не знает.
Ты должен прикасанье ощутить.

О человек, поверь, что ты любим,
ты птица и растение вселенной,
ты воздухом и водами возлюблен,
рассветом и закатом, днем и ночью,
вершинами и безднами твоими.
О человек, поверь, что ты любим.

И должен ты совсем немного знать.
Ты должен знать себя: вот это кожа,
а это лишь твоя одежда. Мир
к твоей душе с любовью прикоснется,
и, ослепленный светом, крикнешь:
вижу!

СЛОВО К ДНЕВНОМУ МИРУ

Луч крылатый, проливной,
не скрывай любви
рассветающей — и вновь
на закат плыви.

Разгореться и остыть
и заледенеть?
Дай и мне себя достичь,
не спеши стемнеть.

На закате робкий свет
хочет расцвести,
в душу тоненькая ветвь
просится:пусти!

Ты в стремленьи, ты в пути
к свету и во тьму...
Слышишь землю? Припади
к миру своему.

К небу, дереву, груди
жаркой, как беда,
припади — и подожди.
— До утра?
— Ну да...

* * *

Жаль, показать не умею
в сердце расцветшую рожь.
Знаю доподлинно: есть она.
А показать не умею.

Но иногда поднимается
в горле какое-то слово,
жаворонком трепещет,
словно нет никого, поет.

Цветущую рожь навестить
соберусь по обычаям старым.
А не вернусь, ну и ладно:
лягу под корни ее.

* * *

Вижу вечернюю кручу
с проседью льда.
Прошла, как росток, сквозь тучу
звезда.

Светло и холодно листьям,
над лесом — шелест и гуд.
Земля и небо сошлись там —
рядом идут.

Я с ними уже не расстанусь,
бегу, как дитя, легко.
Дома — лицо и усталость.
А я — далеко.

ИЗБА

Стонешь окнами, дверью,
подслеповата, седа.
«Верю, — бормочешь, — верю,
а ты все реже сюда».

Старенькая, своя,
смотришь, как в мутный омут:
как схоронить себя —
там, где чужие не тронут?

Дорога людьми богата,
всех попробуй согрей, —
идут с восхода, заката,
с танцулек, из лагерей.

Я совсем не о том,
что мы повязаны кровно...
Слыхал, продаете дом,
весь или только бревна?

Воздух острей ножа,
запах немощи стоек...
А там не моя ли душа
пьет среди новостроек?

ПОСЛЕДНИЕ ЧУДЕСА

Когда же в последний раз
рожь во мне расцветала,
вскрикивала перепелка
в ожидании жатвы?

Когда же в последний раз
плакал во мне ребенок,
слезами поля бежали
вдоль прищуренных глаз?

Когда же в моих руках
в хлеб земля превращалась
и стол — будто в центре мира —
стоял, затягивал песню?

Эти мои чудеса
стали давно последними:
им успел меня выучить
еще — когда-то — отец.

ВЫВОД

Коротки наши дела —
а отвечаем сполна.
Времени липкая мгла,
как повязка, плотна.

Отбросишь ее — и мрак
наляжет, как вязкий ком.
Не требуй: зачем и как?
Не пытай ни о ком.

Чья правда в ночи? — Ничья.
Кто в тишине? — Следы.
Твое несмелое: я,—
собой утверждаю: ты.

* * *

Свет живой, преодоление сна,—
как люблю тебя и как ревную!
Над окном река зари видна,
мощная, вливается она —
словно в море — в синеву дневную.

Мы плывем! Ты видишь там, вдали,
близкий, отуманенный годами,
берег света? Или край земли?
То, что мы в себе уберегли —
то, чего мы все не разгадали?

НАЧАЛО ЭПОСА

Поднялось вдруг нежданно слово,
в горле встало слезою горькою.
Оплачем себя, оплачем.

Пора.
На камнях — огонь.
Над огнем —
вьются ястреб и голубь.
Над вечным огнем —
вечные
ястреб и голубь.
Не вечен один только камень —
железо и медь его заменили.

Не имели названий озера.
И все реки дунаями* звались.
А детишки с ужами играли,
как теперь молоком пахли.

---

* Предполагается, что в период переселения народов некоторые балтийские племена жили на берегах Дуная. С той поры в литовских народных песнях поется о реках, называемых дунаями (дуноеялай) — (Прим. пер.)

Вырубки мужики выжигали.
Вечерами думали трудно
обо всем, что увидели за день,
смысл пытаясь постичь и причину.

Этим летом курган раскопали
и все то, что нашли,
вторично
погребли под стеклом музейным.
И когда я один остался,
по обычаю дедов наших
я оплакал вторично их.

* * *

В осенней смерти, в сумерках немых
побеги с кроткой жизнью не расстались,
чтобы ты мог увидеть хоть на миг
прообразов и форм чудесный танец —
тот слабый свет в ночи небытия,
вбирающего время и тебя.

Как высока слепая мощь корней,
какой большой простор в травинке поздней!
Дворец раздумья — бесконечный, звездный,
дыханье тьмы все тише и слышней.
Гляди, гляди: уже не в силах птица
ни ввысь взлететь, ни на ладонь спуститься.

Начало это все или конец?
Душа всему причина или тело?
Но вот в разрыве облачных небес
тебе сверкнуло солнце — и несмело
молчишь и улыбаешься с трудом,
сначала лишь губами, а потом —
всем сердцем.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

— мы ночью вслушивались в дождь: казалось —
как дерево, над всем восстало время,
и то, что капало с его ветвей
на зябнущую землю, было нами.

— о брат мой, дождь, идти с тобой на землю
и в глубь земли... о Боже, как тесна
недолговечная сырая плоть, а в капле
как много смысла и как мало боли!

— ты, плачущий во мне, молчи, молчи:
незримый кто-то нам дорогу застит,
но маленькой, соленой, жгучей капле
в конце всего уступит слепота.

— о шорох ливня: только вглубь и вглубь
уходит мысль, а может быть, во сне
ее уже промолвил кто-то... Люди,
нет, кроме жизни, правды на земле.

КОНЕЦ ВЕКА: ЮНОША

Себя он хранит

в гитаре,
в магнитофоне,
в куреве,
в джинсах

и жадно глядится в зеркало,
торопя медлительную щетину.
Кажется, он всем нам мешает.

Иногда он может

рухнуть в траву
и разглядывать небо.
Один. И рождается мысль:

как легко умереть.
И в его глазах появляется влага.
Действительно, этот мир
его недостоин.

Родители.
И все они — взрослые.

Их речи не отличаются от призывов.
От ярких парадных лозунгов.
Хочется быть послушным.
Он разевает рот
для общего счастливого крика.
Но изо рта высыпаются
не слова,
а раковинки пустые,
в которых уже давно
никто не живет.
И снова его ругают.
И снова.

И тогда он идет напролом.
Как потоп, он идет,
как лавина,
он рушит знакомый берег,
на котором они—
те, кто его породил.

Напрасно, все это напрасно.
И он замыкается
в скобках своих,
как непонятная формула.
Магнитофон
гремит все громче и громче.
Тесно в мире
с гитарой и сердцем,
не знающим,
кого и за что любить.

Но эта музыка возвышает его.
Он растет,
как священный огонь,
и содрогается,
как напряженная тетива.

Спит и видит во сне паденье.
Только любовь и может его спасти.

ПО ЛУГУ БОСИКОМ

Трава обращается в слух—
она всё про нас знает.
Кажется иногда,

что ей наши мысли слышны.
Лучше всего брести по ней босиком
и ни о чем не думать.

Короткой жизнью
воплощенная вечность:
сгорбившись — по муравьиной тропе —
торопится, видишь, как поспешает:
Осанна, Осанна! —
зеленое, бесконечное зная.

Совершенство мгновения —
в каждой сердечной секунде.
Так и творишь себя —
отсекая,
отслаивая
всё, что не нужно.

И в конце остается луг.

* * *

Как будто вовсе не живешь — так сладко.

Скорее вдаль, подальше от себя:
тишайший светлячок, мерцанье правды.

Осенний шаг природы — как танцовка
идет по сердцу. Многокрылый Бог —
тот мальчик, что в живой реке умылся.

В губах у мира песня — первый зов.
Но почему ее продлить ты должен,
Что значит веянье теней вечерних,
зловещий рост литой лавины звуков?

Терпение. И чувственная жажда.
Бесстрашной жизнью поцелован в губы,
не ведаешь, что будешь ею предан,
что сладкое слияние со всеми —
вознаграждение за телесный труд.

ДЗУКИЙСКАЯ ДЕРЕВЕНЬКА ПОСЛЕ ВОЙНЫ*

Земелька — скуделька в родной горсти,
как сахар, песочек под каблуком:
на клумпах пытались тебя донести
до всех сибирей и оклахом,
в Европу сбросить с танковых трак—
в окопную глубину...
История шла сквозь морок и мрак,—
и вновь качаешь сосну.
И страшно, что мы бояться могли,
а без страха еще страшней.
Мама плачет словами земли—
и та возвращается к ней.

* * *

Опять запнусь о траву,
чуть отойду от дверей.
Как будто уже не живу,
а делаюсь всё старей.

Четыре края земли
всё ближе, но как назло:
что виделось в вышней дали—
в незримую высь ушло.

Остались одни небеса,
укутавшие гнездо.
И кто-то, подняв глаза,
гадает: а дальше что?

СТАНСЫ

1

— ночь, твое лицо черно и смято,
и с тобой душа моя пуста.

---

* Дзукия — южная Литва, откуда родом автор; клумпы — деревянные башмаки — (Прим. пер.).

Будет все легко, по-детски свято,
лишь бы вновь приснилась чистота.

2

— ночь, растормоши тупую дрему,
снова разбуди слова мои:
разожми мне губы, как больному,
и насильно жизнью напои.

3

— ночь, а кто-то с неба звезды сводит.
Отойди, и ты увидать дашь,
как, сбиваясь с ритма, сердце всходит
в новый день, как на второй этаж.

КОНЕЦ ВЕКА: ГОРОДСКАЯ НОЧЬ

Покажи или выскажи,
где прячется в городе домовой,
что он думает, глядя
на усталую женщину:
вот локти в готовности боевой,
руки оттянуты сумками,
а в глазах
пустота и злоба.

Но вечер торжественно—
веером звездным скользя—
пробуждает
всю глубину вожделенья.
В подворотне мусорный бак
щерится и мусолит окурки.
Кажется: все, что нельзя,
уже превращается в можно.
Нагота освобождается от одежд,
как стена от крошащейся штукатурки.

Не учи ее ночи,
но и не отнимай от тени.
Свет вековой — как плющ—
взбирается, быстр—

волнуясь, мутнея и сатанея:
то вдали он, то в самом теле
негасимый,
неугасимый:
из искры — в новую россыпь искр.

Бесстыдную мякоть яблока
жизнь прикрывает смыслом
и шепчет:
я есть, я тут...

Город взмывает в небо,
свод облаками выстлан.
Кровь, мед и слезы —
с каменных крыльев текут.

НАЧАЛО ЛЕТА

Прозелень июньская права,
в пенном кубке птицы, листья, боги.
Лишь порог переступи: трава
валится, униженная, в ноги.

Пониманья жаждет и она,
до небес возвышенная взглядом.
Ноша то сладка, то зелена,
сердце стеснено цветком крылатым:

к целому небезразлична часть,
малого не зачеркнет великий.
...Рядом с тенью крыльев там, сейчас,
кто-то промелькнул — чужой, безликий

* * *

Прямая, вольная людская речь.

Сильней стяни нас во единый узел,
держи его в свету родящих губ,

в гнезде воспламененном. Лава жизни,
как ночь, обуглила немую душу,
лицо искажено всемирной ложью.

Услышь, как больно небу на закате
и как земля хохочет иступленно.
Заговори: мне боязно без брата,
он мог бы прямою ночь рассечь

и приласкал бы слово, и в луга
вошла бы святость — среди букв и звуков,
при возношении книги — пусть поет,
меж наших губ себе гнездо свивая,
прямая, вольная людская речь.

ГОРА КРЕСТОВ*

Дерево-Господи, царствуешь снова,
всё шире ветвей разлет.
Из горести нашей гора Крестовая
выше и выше растет.

Дерево-Отче, снова горишь Ты
за всех, кто распят.
Грядните, раскаты, ударьте трижды,
пусть корни наши не спят.

Дерево-Брат, помяни безымянных
и всех, кто в бездну манил...
Сколько могил без крестов деревянных,
сколько крестов без могил!

Символ людской и древесной доли —
крестиком в синеве.
О Крестная горка, о сгусток боли
там, в груди — и в Литве.

---

* Священный для литовцев холм близ г. Шяуляй, весь уставленный и усеянный крестами — (*Прим. пер.*).

ПОЭМА ЛЮБВИ

Тьма ползет от болот,
от смрадных болот.

Тьму ощущаю: вязкую, липкую,
гада ползучего, вечности тень,
солнце погасшее, лоно иссохшее,
мертвый корабль,
черное знамя, ничто.

Тьма рождает ужасные сны,
страх этот, душастый крик.

Смотрю на светлую точку,
на блуждающий огонек над трясинной,
смотрю на любовь.

Во тьме это слово блеснет
лезвием самоубийцы:
согрей же его ты взором,
дыханьем своим
и кровью своей согрей!

...встав на цыпочки, я
ребячьим ртом прикасаюсь
к ноге распятого,
гвоздь целую,
который поцеловали
тысячи в храм пришедших.
Тысячи губ!
Ощущаю ваш вкус,
липкая, словно пот, любовь.
В четырехгранный гвоздь вы ее
впечатывали страстно, елеино.
Я в вашей любви тоже был,
но только
меня вы не знали,
не знали по имени,
тьмы не страшились—
тех траурных черных знамен,
приникших к колоннам костела.

(Это было,
когда еще мать
шла впереди меня, под ноги мне роняя
святые цветы любви.
Нищих хлебом она оделяла,

говорила им: «Помолитесь.
за души Пранцишкуса, Аготы, Юозапаса,
за души всех тех, за кого
нынче некому уж помолиться».
Это было,
когда еще мы любили наших умерших,
когда эта наша любовь —
в дереве, камне, железе —
себя выражала крестами
солнцевидными и простыми.)

...я, увы, не могу показать
зеленого сада детства,
мамы, сидящей под яблоней старой.
В воскресные дни, в тишине их,
слышу мамины вздохи.
Вижу я до сих пор
как по страницам псалтырным
божья коровка ползет,
слышу жужжание пчел,
вздрагиваю удивленно:
чувство такое, — мне
кто-то погладил макушку.

Уходящая, ах, навсегда, навсегда любовь!
Запах пряный раны на теле —
там, где любовь прикасалась.
Будем смотреть на огонь,
надо чаще смотреть на пламя.
Должно ведь что-то остаться,
должно остаться хоть что-то.
Святые картины в горнице
и фотографии в рамках.
В нашей памяти жизнь их длится.
Засохший букет на столе,
аромат прошлогодних яблок
(они сохранялись обычно
до праздников Трех королей),
перевясла куделей льна
на длинной скамье у стены
и позеленевший от времени
медный,
закапанный воском подсвечник.
Как мне разбудить вас,
серые пыльные тени горницы,
чтоб вы сошли с фотографии,
чтоб из угла появились

где вы лежали на саване нашего плача?
Полна намеков вселенная,
мир полон таинственных знаков,
увы, не постигну их,
никогда до конца не постигну
Уверен, что думаю верно,
когда о любви размышляю.
Но где же ее начало? —
и в скорбных сумерках тихо
гляжу на огонь —
уходящая, ах, навсегда, навсегда, ах, любовь!

Вспоминается чудо одно:
в день, когда я впервые взглянул на тебя,
расцвели на платье твоём незабудки,
и я понял, что это — знак
из старой горницы детства
и что запах подгнивших яблок
и засохших бесцветных букетов,
запах льна, запах пряжи,
запах фото старинных
пересилил прозрачный восход,
кипень сада из детства.
Мать под яблоней старой
закрыла молитвенник толстый,
легконогой девчонкой
вернулась в свой свадебный снимок,
нас оставив одних
слушать гимн взбунтовавшейся крови.
И тогда ты настигла меня,
как ветер — созревшее яблоко,
как вершину клена — рассвет,
как неожиданное благовестие.
Аве Мария!
Настигла меня потому,
что знала мои сновиденья,
потому, что жила в них,
потому, что ты слышала, как
я ребенком шептал, лепетал:
славься, Мария!

Осознал я, кто ты,
но сказать не умел.
Надо было создать мне язык,
схожий с детской молитвой,

схожий с пением птиц,
с колокольным торжественным гудом.
Помоги же мне, помоги
вырвать слово у темноты
и своим непорочным телом
подтверди его правоту.

Вот: благословенные, тихие
робко, несмело друг друга коснулись —
о любовь, — каждодневная пища богов —
тел заревой восход,
радуга чувств и страстей, —
в небо отверстие,
в руки цветущие
падаю ливнем,
падаю снегом, падаю ветром,
падаю я, как лучи
на пол горницы сельской
сквозь вырезанные в ставнях
два наивных сердечка...

Открыл: словно дверь
в незнакомую комнату с чудесами,
словно волшебный сосуд,
полный живой воды.
Вот и станем здесь жить,
сказал сам себе, веруя.

Неземная
Синяя птица пролетела мимо окна.
осветив наши одежды,
что впервые на стул вместе сброшены,
и впервые они обнялись
в ласке и в неге.

Поразилось тело мое —
неизведанному, неизвестному...
Словно стало оно вновь
из сердца расти твоего,
обнимая его корнями
и следуя всюду за ним,
как властитель и раб.
Так уверовал я в бессмертие
и отринул саван тьмы.

О, звездный рассвет!
Прорастающая духа отава
осветила весь горизонт —

там в предутренный час
тихо ушли и исчезли
черные скорбные флаги
из моего костела.
Я наполнился светом
и, как ива, склонившись
над речною струею,
в течение реки
увидел себя
и все, что течет
сквозь меня, без меня и со мной.

Разбудил зеркало, стол, стулья,
святые картины, подсвечник,
старые снимки, шкаф,
глинную лавку возле стены...
— Бдите, — сказал, —
чтоб могли подтвердить
всеобъемлемость мира,
чтоб вы наполнялись любовью,
как раковины — океанским рокотом,
чтоб вспомнили всё:
фантастически черное дно океана,
его буйную жажду подняться до звезд,
его мягкость, усталость,
размеренное дыханье,
бесконечную светотень,
глубины, просторы.
Вот так на глазах
и растет время,
а в нем — вздохи, слова,
руки, созданные
для объятий.
И светлый ангел любви
стоит между нами,
требуя одного — правды
во вздохах, речах, жестах.

Никогда мы с тобой не были
только вместе, наедине,
потому что старая яблоня
к нам заглядывала в горницу
через низенькое окно,
сад был полон теней, средь них
видел я на меня похожих,

уставших от тесноты и бренности тела
и упрямо шагавших
за Птицей,
Неземною Синею птицей.
Мир вам, мир, огоньки болотные,
вам, во тьме одиноко блуждающим
над трясиной грязи и лжи!
Как туникой, окутаюсь
зарей любви —
своим знаменем, своим платьем,
поцелую своим тихим
отворю твои губы
для слова, для воды, для хлеба насущного.
Взгляни на веточку можжевельника под потолком;
эта засохшая веточка
зазеленела за ночь,
и в наши ладони, полные радости,
ликующий мир падает.
Ребенок-кровинка!
Он стоит голышом за окном и светит
сквозь тебя, с тобой, без тебя.
Принимая его,
надеясь будем,
что можно любовь спасти.

Дыханье твоё
слов моих красноречивей.
Надо светом мне говорить научиться,
чтобы лес, чтобы луг и речушка,
парение птиц в поднебесье
благословили бы речь мою
и собою ее продлили.
Обнимаешь мой голос
молча,
и он,
как цветок, на твоей груди
распускается пряно.

Знаю сотни и тысячи слов,
и все они означают: любовь.
Шепот дождя,
высверк молнии в землю,
ветровые следы среди ржи —
вот что такое твой взгляд
в меня, мимо меня, сквозь меня.

Это половодье глаз,
этот вечный прибой,
наступление моря на сушу
я в себе не могу задержать,
не могу стать претрадою зрению,
подножьем его иль вершиной,
я не в силах заполнить собою его,
только следую слепо за ним
и все заново называю:
день, тропинка, порог,
сад, раскрытые ставни,
дым над хутором, счастье —
и все это вместе — любовь.
И неба
достаточно нам,
и неба достаточно всем,
не больше,
                    не меньше,
                                    чем нужно.

Так пусть наши очи
встречаются с неба очами,
так пусть наши взоры
летают, как птицы,
лаская друг друга,
пусть землю они засевают
вьюгой перьев любви,
тихой нежностью всех одаряя.

Платье надень цвета созревающей ржи,
потому что виденье одно вспоминаю,
а может быть, детский сон,
озаривший мне жизнь
светом женщины,
светом хлеба:
кажется, в сумерках — утра ли, вечера? —
в мгlistой и долгой тиши,
в праздник дожинок,
когда рожь приближалась
к рождению таинства хлеба, застолья, —
без звука,
                    как луч,
женщина шла.
Колосья, как пальцы,
ласкали ей груди и губы,

победными каплями крови
сочились дикие маки.
И ничего больше. Только этот далекий,
далекий вздох.

(Все еще только шло к созреванию,
коса и любовь отдыхали
в сумерках клуни и сердца,
и жизнь моя
походила
на огромный растрепанный
букет полевых цветов,
в котором еще не было
наиглавнейших красок,
да, только в любви
мы выражаем себя,
только любовью
можем себя оправдать.)

Потому говорю: надень
платье цвета ржи созревающей,
чтобы любовь и хлеб
неразделимыми стали.

И тогда я тебя представил
порогу, дверям,
половинке жернова у порога,
деревьям, холмам и долине,
излучине Нямунаса —
помнишь, они говорили
о постоянстве, о тихом
терпении жизни.

Жизнь они сравнивали с камнем,
с глыбой желтого глинозема,
с полетом птиц против ветра.
Они говорили: нельзя
объяснить бытие
предательством, ложью, смертью.

(Я уже был иным.
Тем же
и все же иным.
Войдя в любовь,
как в обетованную землю,
я готов был принять

ее ливни и засухи,
ее ненастье и ведро,
я хотел лишь растить свой хлеб
и от одиночества им защититься,
отвергая насилие,
ногой придавив, как гадюку,
колючую проволоку.)

...от жаркого жадного дыхания
затуманился день,
                        словно зеркало,
и вчерашняя ночь,
пахнущая любовью,
приближается к нам.
Возвращаются в гнезда
лучи-ласточки:
можно
обнявшись стоять
и в небесном сиянье
тихо читать твою душу.

Все это — смотрение в пропасть,
повторяю: чтение души — это смотрение в пропасть.

Положи
мне на лоб свою руку,
чтобы я не упал,
                        бездной ошеломленный.

СОДЕРЖАНИЕ

Цветение. Перевел Ю. Кобрин	3
«— быть непричастным к миру силы...» Перевел Г. Ефремов	3
«А жизнь — мое оружие...». Перевел Ю. Кобрин	4
Кара. Перевел Ю. Кобрин	4
«Поют и мятутся листья...». Перевел Г. Ефремов	5
Тракай. Перевел Г. Ефремов	6
«Гляди: она летит, гляди...». Перевел Г. Ефремов	6
Проза. Перевел Ю. Кобрин	6
«О жизнь моя, сестра моя слепая!..». Перевел Г. Ефремов	7
Конец века: схема. Перевел Г. Ефремов	7
«Растущие крылья тревоги...». Перевел Г. Ефремов	8
Пророк. Перевел Ю. Кобрин	9
«Ты должен при касанье ощутить...». Перевел Г. Ефремов	9
Слово к дневному миру. Перевел Г. Ефремов	10
«Жаль, показать не умею...». Перевел Ю. Кобрин	10
«Вижу вечернюю кручу...». Перевел Г. Ефремов	11
Изба. Перевел Г. Ефремов	11
Последние чудеса. Перевел Ю. Кобрин	12
Вывод. Перевел Г. Ефремов	12
«Свет живой, преодоление сна...». Перевел Г. Ефремов	13
Начало эпоса. Перевел Ю. Кобрин	13
«В осенней смерти, в сумерках немых...». Перевел Г. Ефремов	14
Ночной дождь. Перевел Г. Ефремов	14
Конец века: юноша. Перевел Г. Ефремов	15
По лугу босиком. Перевел Г. Ефремов	16
«Как будто вовсе не живешь...». Перевел Г. Ефремов	17
Дзукийская деревенька после войны. Перевел Г. Ефремов	18
«Опять запнусь о траву...». Перевел Г. Ефремов	18
Стансы. Перевел Г. Ефремов	18
Конец века: городская ночь. Перевел Г. Ефремов	19

Начало лета. <i>Перевел Г. Ефремов</i>	20
«Прямая, вольная людская речь...». <i>Перевел Г. Ефремов</i>	20
Гора крестов. <i>Перевел Г. Ефремов</i>	21
Поэма любви. <i>Перевел Ю. Кобрин</i>	22

МАРЦИНКЯВИЧЮС Юстинас

ПОСЛЕДНИЕ ЧУДЕСА

Стихи и поэма

Переводы с литовского

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 16.08.90. Подписано к печати 28.09.90. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отг. 1,58. Уч.-изд. л. 1,55. Тираж 150 000. Зак. № 2725. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● В жизни нередко бывает, когда неосторожность, невнимательность или злой случай приводят к различным травмам на производстве, улице, дома. Поэтому советуем заключить договор страхования от несчастных случаев, который гарантирует выплаты денежных сумм при травмах и других непредвиденных обстоятельствах.

● Договоры заключаются с лицами в возрасте от 16 до 74 лет на срок от одного года до пяти лет.

● Страховая сумма — 500 рублей и выше. Лицам, заключившим договор на срок от 3 до 5 лет, предоставляется скидка в размере 5—15% с исчисленной суммы платежа.

● Подробнее ознакомиться с условиями страхования и заключить договор можно в инспекции госстраха или у агента, обслуживающего Ваше предприятие, учреждение или организацию. Страхового агента можно пригласить на дом.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ СССР.
ПРАВЛЕНИЕ.**